

УДК 82-312.6

Клименко К.В.

Литературный институт имени А.М. Горького

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА РАССКАЗЧИКА В «ДНЕВНИКЕ» Ю.М. НАГИБИНА

K. Klimentko

Maxim Gorky Literature Institute

THE NONINTRINSIC-DIRECT SPEECH AS EXPRESSION OF THE NARRATOR'S INNER WORLD IN THE "DIARY" BY Y. NAGIBIN

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы субъективации повествования рассказчика на примере автобиографической прозы Ю.М. Нагибина. Автор анализирует особенности и функции несобственно-прямой речи в тексте «Дневника», рассматривает взаимодействие рассуждения с повествованием и описанием. Проведя сравнительный анализ собранного материала, автор пришел к заключению, что в «Дневнике» несобственно-прямая речь максимально приближается к прямой речи и к графически неоформленному монологу, подчёркивая глубину погружения в сферу сознания рассказчика.

Ключевые слова: автобиографическая проза, субъективация, рассказчик, несобственно-прямая речь, описание

Abstract. The article deals with the investigation of the subjectivation's problem on the example of the autobiographical prose by Y. Nagibin. The author analyses characteristics and functions of the nonintrinsic-direct speech in the "Diary", studies the interaction between discourse, narration and description. After comparative analyze of the collected materials, the author has come to conclusion that the nonintrinsic-direct speech in the "Diary" is very similar to the direct speech and the graphically unmarked monologue, accentuating the depth of the narrator's point of view.

Key words: autobiographical prose, subjectivation, narrator, nonintrinsic-direct speech, description.

Внутренний мир и нравственные искания героя мемуарного текста выражаются не столько действиями и поступками, сколько мыслями и чувствами. Эти мысли и чувства могут быть либо декларированы прямо (когда герой непосредственно излагает, что думает и чувствует по тому или иному поводу), либо проявляются через отношение героя к окружающему миру, другим людям и самому себе. Это отношение, восприятие героем описываемой действительности неразрывно связано с точкой зрения героя-рассказчика и с приёмами субъективации, прежде всего – с несобственно-прямой речью.

В.В. Одинцов, опираясь на учение В.В. Виноградова об образе автора и словесных рядах, наметил проблему субъективации авторского повествования. Он выделил речевые типы субъективации (прямая речь, несобственно-прямая речь, внутренняя речь) и конструктивные формы (формы представления, формы экспрессивной субъективации, монтажные формы) [5]. Дневниковые записи всегда предельно субъективны, они отражают сознание и восприятие героя-рассказчика, различные приёмы субъективации подчёркивают эту субъективность.

Немногие писатели отваживаются опубликовать свой дневник при жизни, опасаясь реакции упомянутых в нём современников, обвинений в клевете и в недостоверности описыва-

емых событий. Ю.М. Нагибин, готовя публикацию своих дневниковых заметок, напротив, хотел, по замечанию Ю.А. Кувалдина, «предчувствуя скандал, тем самым вызвать “огонь на себя”» [2, с. 8]. Сам Нагибин в предисловии к «Дневнику» отмечает: «Мои записи в большинстве своём носят сугубо личный характер, и я долго сомневался – стоит ли их публиковать, особенно при жизни. Ведь это разговор с самим собой, какое дело до него читателям. После смерти писателя – да и не только писателя – его записи приобретают интерес как документ эпохи» [4, с. 3]. Нагибин не дожидаясь публикации: он скончался спустя две недели после того, как передал рукопись издателю. Его «Дневник» представляет интерес для исследования не только как документальный памятник эпохи, но и как разговор автора «с собой, с глазу на глаз» [4, с. 5], выражение его духовных и нравственных исканий, отражение внутреннего мира рассказчика. С.П. Костырко подчёркивает: «Для дневников, ведущихся десятилетиями, естественна хаотичность; здесь нет и не может быть единого авторского замысла, направленного отбора материала; здесь разом – десятки сюжетов и разнозаряженных, разномасштабных мыслей. Потребность в дневнике возникала у Нагибина по разным поводам. И когда было плохо, когда нужно разобраться в своей «душевной помойке». И когда – хорошо, чтобы дать выход полноценной пейзажной, любовной, философской лирике» [1, с. 224].

Для мемуарных текстов и дневниковых записей характерна максимальная приближенность рассказчика к автору. Личностное самоощущение рассказчика Нагибина неразрывно связано с писательским восприятием мира: он подмечает незначительные на первый взгляд детали, краски, пейзажи, портреты и характеры, пропуская сквозь призму своего восприятия. Рассказчик анализирует собственные мысли, чувства, а также поступки окружающих его людей, за счёт чего создаются два параллельных пласта повествования: событийный и идейно-аналитический.

Издатель нагибинского «Дневника», Ю.А. Кувалдин, вспоминает, как Нагибин принёс ему свою рукопись: «– Я расстегнул все пуговицы! – сказал он мне, передавая «Дневник» для печати. Папки, тетради, ксерокопии, машинопись, «от руки»... Куча материалов! Что в них?» [3, с. 666].

«Дневник» представляет собой дневниковые заметки, размышления, внутренние монологи героя-рассказчика, его обращения к самому себе, попытки самоанализа; в большинстве случаев события записывались «по горячим следам», когда впечатления были ещё свежи и ярки, хотя иногда текст переходит в мемуары, когда записи делались не сразу, а спустя какое-то время, по недавним воспоминаниям. При подготовке к печати эти заметки почти не редактировались, Нагибин признаётся во вступлении к «Дневнику»: «Я не стал наводить порядок, выстраивать и редактировать текст, это лишило бы дневник непосредственности и подлинности, в чём я вижу его, быть может, единственное достоинство. Читатель не может не почувствовать, что тут отсутствует литературный расчёт, мысль о реализации, что он имеет дело с неподкупной правдой переживания. Я писал не по взятой на себя обязанности, а по эмоциональному велению» [4, с. 4].

В «Дневнике» Нагибина наиболее часто используемым приёмом субъективации является несобственно-прямая речь. Это совокупность размышлений персонажа, выраженных формально авторским языком. Порой подобные композиционные построения близки к монологу, прямой речи, однако графическое оформление (отсутствие тире и кавычек) подчёркивает, что такие приёмы относятся к несобственно-прямой речи. Она позволяет выразить мысли рассказчика, не высказываемые вслух, но возникающие в сознании, а также восприятие и оценку рассказчиком других персонажей и окружающей действительности.

Чаще всего несобственно-прямая речь представляет собой рассуждение: «Я начинаю примиряться с тем, что вот это и есть жизнь,

а не бред, что вот так и живут до самой смерти и никакой другой жизни не будет. Что моя женитьба и есть настоящая женитьба, работа и есть та самая работа, воздух и есть тот самый воздух и т. д. И главное: писание и есть то самое писание. В этом отношении можно вполне успокоиться: нигде и никогда литература для себя не сольется с литературой для печати. Надо чётко разграничивать ящики стола: налево для себя, направо для всех. Это нужно для душевной гигиены, иначе путаница, из которой никогда не выберешься» [4, с. 24-25]. Рассказчик говорит о своих собственных сомнениях и душевных метаниях, анализирует их, делает вывод о «душевной гигиене», делится личным опытом, одновременно косвенно обращаясь к читателю и поучая его. Произведения Нагибина богаты лирическими отступлениями, рассуждениями, размышлениями. Для него характерно стремление подробно запечатлеть движение мыслей и чувств героя-рассказчика.

Часто рассуждение не приводится в чистом виде, а сочетается либо с повествованием, либо с описанием.

Пример повествования, связанного с анализом чувств и впечатлений рассказчика: «Как мало мне надо, чтобы почувствовать к чему-либо отвращение, которое никогда не пройдет. Пешком я добрёл до Пратера, при входе взял большой вафельный стакан с мороженым чуть не десяти сортов, уселся на скамейку, вытянул усталые ноги и с наслаждением всосался в холодную сладкую благодать. И тут мимо меня неторопливо, деловито, чуть задев мои брючины, прошествовала в кусты огромная раскормленная крыса. Мне сразу омерзел Пратер, омерзело уличное мороженое» [4, с. 584].

Прошедшее время играет особое значение в выражении мыслей и чувств рассказчика: временная и психологическая дистанцированность от описываемых событий позволяет рассказчику проанализировать чувства, которые он испытывал ранее, и сравнить их со своим нынешним взглядом на описываемую ситуацию.

Также несобственно-прямая речь может представлять собой описание или связь рассуждения с описанием: «Небо голубое, прилетели первые грачи: большие, желтоклювые, родные. Как всё прекрасно и трогательно в мире природы, как всё грязно и мерзко в мире людей! Я не могу быть среди людишек, скучно, стыдно и не нужно» [4, с. 167]. В этом примере ярко представлен особенно характерный для «Дневника» контраст «прекрасной и трогательной» природы и низменного мира людских страстей. Большую роль играют формы экспрессивной субъективации: изобразительные приёмы и разнообразные средства художественной выразительности. В процитированном фрагменте обращают на себя внимание эпитеты, выбранные для характеристики грачей: «желтоклювые», «родные». Помимо эпитетов Нагибин широко использует сравнения: «В условиях нашей тотальной несвободы все мелкие ограничительные меры особенно невыносимы. Мы привязаны за каждый волосок, как Гулливер у лилипутов, к удручающему слову НЕЛЬЗЯ» [4, с. 530]; «Прежде люди скользили по моей душе, нанося царапины не более глубокие, чем карандаш на бумаге, а сейчас они топчутся внутри меня, как в трамвае» [4, с. 50]. Также для писателя характерно использование метафор, особенно развернутых: «Мама становится невыносимо трудной для совместной жизни. Порой в ней появляется нехорошая завершённость литературного персонажа, а не живого человека, который всегда как-то зыбче, переменчивей, отходчивей» [4, с. 319]; «Прежде люди скользили по моей душе, нанося царапины не более глубокие, чем карандаш на бумаге, а сейчас они топчутся внутри меня, как в трамвае. С признанием серьезности и подлинности окружающих людей утрачивается единственная настоящая серьезность – собственное существование. Любовь к людям – это утрата любви к себе, это конец для художника» [4, с. 50]. Такие изобразительно-выразительные средства подчёркивают образное видение рассказчиком описываемых людей и предметов.

Рассказчик «Дневника» внимателен к окружающему миру, постоянно его анализирует и преобразует во что-то новое благодаря своему субъективному восприятию. Отличительная черта дневниковых записей – некоторая ограниченность их перспективы: рассказчик не может взглянуть на ситуацию изнутри других людей, может только предположить их мысли и чувства. Однако в «Дневнике» порой случаются кратковременные смещения точки зрения в сферу сознания другой среды: «Поразительно равнодушные к культуре и литературе современных западных людей, особенно молодёжи. Им ничего не надо, кроме быта, спокойствия, маленьких физиологических удовольствий. Какая литература? Какие проклятые вопросы? Какие идеалы? Не трогайте нас, давайте спокойно дожить – ничего иного они не хотят. Это ужасно!!!» [4, с. 371]. Слова «Не трогайте нас, давайте спокойно дожить» принадлежат описываемой далекой от культуры молодёжи, в то время как экспрессивное восклицание «Это ужасно!!!» выражает оценку рассказчика.

Важно отметить, что рассказчик безжалостен не только к окружающим, но и к самому себе: «Этот год – переломный в моей жизни. Впервые я сам почувствовал, что мой характер изменился. Я стал куда злее, суше, твёрже, мстительнее. Во мне убавилось доброты, щедрости, умения прощать. Угнетают злые, давящие злые мысли на прогулках, в постели перед сном. Меня уже ничто не может глубоко растрогать, даже собаки. <...> Злоба плоха тем, что она обесценивает жизнь. Недаром же я утратил былую пристальность к природе. Весь во власти мелких, дрянных, злобных счётов, я не воспринимаю доброту деревьев и снега» [4, с. 207].

Нагибин писал свой «Дневник» с 1942 по 1986 год, для себя. Опубликовать его писатель решил только в 1994 г. Для этой книги характерна откровенность, даже безжалостность в описании себя и окружающих (родных, близких, коллег), которая не могла не вызвать резкий отклик после публикации. В «Дневнике»

помимо документального портрета эпохи отражён прежде всего портрет самого писателя-рассказчика. По замечанию С.П. Костырко, «при всей хаотичности «повествования», есть в «Дневнике» единый и вполне осознанный сюжет: *внешняя и внутренняя судьба писателя Нагибина*» [1, с. 224].

Отличительной чертой дневниковых заметок является передача непосредственного опыта жизни, достоверная и одновременно в высшей степени субъективная, пропущенная сквозь призму восприятия рассказчика. Мемуарные записи неизбежно связаны с пространственной и временной дистанцией от описываемых событий, а следовательно, с их искажением; в дневниковых заметках «по горячим следам» эти дистанция и искажение меньше.

Ю.А. Кувалдин отмечает: «Нагибин так бы и остался советским писателем со всеми вытекающими из этого последствиями, если бы не «Дневник». Этой книгой он как бы вырвался из советского плена, перешагнул через самого себя (что невероятно, и вряд ли в истории найдёшь подобную аналогию), все свои недостатки превратил в достоинства» [2, с. 8].

Наиболее выразительным приёмом для отражения нравственных и духовных исканий автобиографического рассказчика и для изображения его внутреннего мира является приём несобственно-прямой речи. Она передаёт лексические и синтаксические особенности языка рассказчика, отражённая в тексте действительность увидена и описана с его точки зрения.

Приём несобственно-прямой речи широко используется Нагибиным в «Дневнике». Рассуждение часто сочетается с повествованием и с описанием, восприятие окружающего мира рассказчиком особенно ярко выражается с помощью изобразительно-выразительных средств, прежде всего эпитетов, сравнений и метафор, несобственно-прямая речь комбинируется с изобразительными формами. Нагибин использует много риторических вопросов и рассуждений, не-

собственно-прямая речь максимально приближается к прямой речи и к графически неоформленному монологу, что подчёркивает глубину погружения в сферу сознания рассказчика.

Для несобственно-прямой речи в «Дневнике» характерен периодический переход к внутреннему монологу, часто встречаются обращения рассказчика к самому себе, риторические вопросы и экспрессивные восклицания. Рассказчик максимально приближен к автору. Для «Дневника» Нагибина свойственна непосредственность и живость рассуждений, выраженная с помощью не-

собственно-прямой речи, за счет чего изображается сознание рассказчика и его внутренний мир.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Костырко С.П. Беллетрист против писателя (Юрий Нагибин. Дневник). // Новый мир. - 1995. - № 11. - С. 224.
2. Кувалдин Ю.А. Исповедь и покаяние: как я издавал «Дневник» Ю. Нагибина // Независимая газета. - 1996. - № 67 - С. 8.
3. Кувалдин Ю.А. Нагибин. // Нагибин Ю.М. Дневник. - М.: Книжный сад, 1996. - С. 665-675.
4. Нагибин Ю.М. Дневник. - М.: ПИК, 1996. - 624 с.
5. Одинцов В.В. Стилистика текста. - М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2010. - 264 с.